

Племянница поэта

Из музейных записок

Музей «Карабиха» — как привычно звучит! Но иногда для нас за этим названием мало что стоит. Есть часть ярославцев, которые точно знают, что усадьба связана с жизнью и творчеством Николая Алексеевича Некрасова. Ещё одна часть знает, что там проходят праздники поэзии, и регулярно их посещает. Зачем? Ответов может быть множество: кто — вспомнить поэта и его стихи, кто — послушать современных поэтов, кто — посмотреть на «звёзд» современного искусства и культуры, кто — просто погулять, кто — вывезти детей порезвиться, а кто-то просто летом живёт на даче, и это — повод отвлечься от дачных забот. Но немало и тех, кто знает, что есть такая усадьба, но... «стоит она долго и побывать ещё успеем». И так они и не соберутся хотя бы посмотреть выставки и экспозиции, хотя бы по паркам погулять.

Для чего я это пишу? Наверно, для того, чтобы пригласить всех ярославцев в музей. Не так давно я услышала, что время в музее течёт медленно. Это было сказано с некоторой долей осуждения. А мне кажется, что это хорошо.

Но правота в этом высказывании — лишь частичная. Та неспешность, в которую окунаются посетители музея, — это, прежде всего, то, что связано с внешней стороной жизни музея. Может, так и должно быть. Музей сдерживает атаки новейших технологий, музей предлагает отдохнуть от агрессивного воздействия среды, посмотреть друг другу в глаза. Друг другу — это не значит другу, приятелю, родственникам, пришедшим вместе с вами в музей. Это значит — посмотреть в глаза тем, кто жил раньше нас, нашим родителям, бабушкам и дедушкам.

Только надо сказать, что эта неспешность не является основной характеристикой деятельности музейных сотрудников. Сколько эмоций, страстей, споров кипит, когда готовится очередная выставка! А их в музее за последнее время проводится довольно много, и стали они более разнообразными по тематике: литературные, историко-бытовые, экологические, персональные, художественные и другие.

В этих бурных обсуждениях главным для научных сотрудников является то обстоятельство, что мы хотим (и не только хотим, но и всё дела-

Кабинет Фёдора Алексеевича Некрасова во втором этаже Большого дома.
1902–1904. ГЛММЗ «Карабиха»

ем для этого) показать вещи ушедших эпох и людей, рассказать о том, что было много-много лет назад. Какой трепет испытывает человек, который прикасается к некрасовским вещам, книгам, предметам! Мы делимся нашим постижением, и всегда нам хочется, чтобы это постижение дошло по посетителям.

Есть у музейных и еще одна сторона деятельности, которая внешне не видна. Она порой кажется совсем неспешной. Это — изучение. Что мы изучаем?

Многое. И предметы фондов, и наследие поэта, и его окружение. Кто работал с документами, предметами, тот меня поймёт, вспомнив, какие чувства испытывает человек, узнав что-то новое, интересное. Поверьте, мы узнаём не только для себя, но и для вас.

С одной стороны, мы — сотрудники музея — рады поделиться с нашими посетителями новыми открытиями, фактами, идеями. С другой — это аргумент: при кажущейся неторопливости в музейной жизни спешность у нас особая — спешность внезапных открытий, хорошо подготовленных, но всё равно неожиданных узнаваний.

А неспешность у нас одна — длительное, иногда длиной в целую жизнь, соприкосновение с поэтом и его творчеством.

Сам процесс изучения носит многообразный и разносторонний характер.

* * *

Частный случай. Всем известно, что Некрасов, приезжая в Карабиху, всегда был в окружении семьи, друзей, родственников. Интересно было бы знать: кто и что они? Наверное, да. А как понять, кто из всех для него был самым главным, важным, необходимым? А кем был для этого окружения сам поэт, что он значил для него? Как окружение сохраняло его частицу, как ощущало свою причастность к его поэзии?

Конечно, в этом ряду есть люди первого, второго, третьего плана. Кого выбрать? Как определить их значимость для поэта и значимость поэта для них?

Расскажу об одном человеке, который никогда не видел Николая Алексеевича, но который ощущал кровную связь с ним.

В наших фондах хранится несколько любопытных документов, один из которых — короткая биография М. Ф. Синцовой (Виноградовой). Кто она такая?

Сухие строчки историко-биографической справки.

Мария Фёдоровна Виноградова (в замужестве Синцова 1884 — не ранее 1971), внебрачная дочь, её родители — отец Фёдор Алексеевич Некрасов и мать Наталья Егоровна Виноградова. Был у неё брат Александр Фёдорович Виноградов. М. Ф. Виноградова — православ-

Фёдор Алексеевич Некрасов в своём кабинете в Большом доме усадьбы Карабиха. 1913

ного вероисповедания. Родилась в Москве в доме акушерки — Марии Васильевны Самоваловой (Новинский переулок, дом церкви Иоанна Предтечи). До поступления в гимназию жила в Москве, отдельно от родителей. Воспитывалась вместе с братом приёмной матерью Марией Васильевной Самоваловой и её сестрой, Лидией Васильевной. Один-два раза в год детей в Москве навещала мать. Мария Фёдоровна описывала эти встречи так: «...Мы очень дичились её, она была строгая, но ничего не жалела для нас».

Вероятно, в 1897 году Мария Фёдоровна поступила в частную гимназию Л. Ф. Ржевской. В «Удостоверении об окончании гимназии» указывается, что она закончила 8 классов «с правом домашней учительницы», то есть датой окончания обучения можно считать 1901 год. М. Ф. Виноградова (Синцова) так характеризует морально-психологический климат в гимназии: «Очень хорошее отношение, гуманное и чуткое». Во время обучения в гимназии Мария Фёдоровна вместе с братом Александром приез-

жали в Ярославль на каникулы, иногда встречались с Фёдором Алексеевичем. Это так описывалось в воспоминаниях: «...Отец не жил с нами в нашем доме на Романовской, но часто навещал нас. Мы виделись с ним, когда нам позволяли, он был внимателен, но всё-таки чужд».

Фёдор Алексеевич умер в 1913 году; Наталья Егоровна Виноградова — в 1916 году, похоронена на Леонтьевском кладбище.

Вскоре после окончания гимназии Мария Фёдоровна вышла замуж за Д. И. Синцова. В браке родились две дочери — Маруся и Таля. Девочки умерли маленькими, «ввиду слабого здоровья». В 1920 году умерла Таля, а вскоре и муж Марии Фёдоровны (причина смерти мужа и младшей дочери — туберкулёз легких).

После смерти близких М. Ф. Синцова тяжело заболела. Некоторое время работала «на канцелярской работе». В советское время продолжала жить в Москве у Лидии Васильевны Самоваловой, которая умерла в 1928 году.

Дальнейшая биография Марии Фёдоровны может быть реконструирована только фрагментарно. В конце 1938 — начале 1939 года М. Ф. Синцова передала в Государственный литературный музей материалы, связанные с Некрасовыми.

По описям фондов архива удалось установить эти документы: «Альбом со стихотворениями “Н. А. Некрасову”, “Кольцо жизни”, “Великому гению В. И. Ленину” и др. Фотография М. Ф. Синцовой в кругу семьи. Крайние даты: 1920—1939. Количество листов: 31»

В этот период в ГЛМ работал Николай Фёдорович Некрасов. Вероятно, передача документов могла произойти при его участии.

Во второй половине 1949 года Мария Фёдоровна вновь обратилась в ГЛМ — ей необходима была какая-то справка. Директор музея Вл. Бонч-Бруевич послал эту справку в конце

Сидят: Лидия Васильевна Самовалова,
Мария Фёдоровна Синцова. 1930-е гг. РГАЛИ

Мария Фёдоровна Синцова, внебрачная дочь
Ф. А. Некрасова, 1971.
ГЛММЗ Н. А. Некрасова «Карабиха»

января 1950 года. Мы предполагаем, что Марией Фёдоровной были предприняты какие-то действия для улучшения своего или материального или жилищного положения.

Последний документ, хранящийся в музее и связанный с М. Ф. Виноградовой (Синцовой), датируется 12 марта 1971 года. Это письмо Марии Фёдоровны к Альбине Юзефовне Некрасовой (второй жене Николая Константиновича Некрасова). Судя по содержанию письма, можно предположить, что она в это время была уже в доме престарелых по адресу: Москва, ул. Ладиса, д. 9, корп. 1, 5 эт., комн. 164. Условия проживания были для неё тяжелы, прежде всего — в психологическом плане.

Скупые сведения, и для кого-то не очень интересные. В ходе работы я зацепилась за информацию об альбоме со стихами. Возможность познакомиться с ним появилась только через полгода. Сказать, что я ждала это терпеливо, — значит покривить душой.

Когда я попала в Государственный архив литературы и искусства и получила дела, то первым делом взяла в руки этот альбом. Небольшой, размером 20 на 15 сантиметров, коленкоровая тиснёная обложка. Фиолетовыми чернилами старательно переписаны стихи. Всего в альбоме двадцать пять стихотворений.

Сначала я просто пролистала альбом, обращая внимание на некоторые из них. При более внимательном чтении первое, что удивило (не скрою, неприятно), это спектр или разнообразие стихотворных тем.

Н. А. Некрасову, Кольцо жизни, Великому гению В. И. Ленину, Творцу новой жизни (это про Сталина. — Е. Я.), Наш колхоз, Песнь скрипки, Разочарованье, Разгильдяй, Любимый сон... Как один человек мог так разбрасываться?

Но помните, что альбом датируется тридцатыми годами XX века. Наши бабушки и дедушки, люди, изучающие историю, знают, что это были за времена. Побуждения у Марии Фёдоровны были искренние (ведь это писалось «для себя», так что заподозрить её в какой-то конъюнктуре очень сложно), а вот легло на душу или нет — это уже другой вопрос.

Сразу оговорюсь, что судить о творчестве Марии Фёдоровны я могу на уровне «понравилось — не понравилось».

Следующий этап знакомства — это более внимательное чтение стихов.

Первым было стихотворение «Н. А. Некрасову». Строчки личные, но и не очень умелые. Что поразило в них? Остро личностное отношение к поэту. Она знала, что её отец приходится поэту родным братом, но никогда его (поэта) не видела, тесных связей с Карабихой у неё тоже не было. Тем не менее, Некрасов — это и родственник, и поэт одновременно.

Несколько строк из стихотворения:

*К тебе я, дядя, с умилением
Склоняю голову свою,
За правду не прошу прощенья,
А за терпенье благодарю.*

*На твой алтарь ума и знанья
Бесцельность жизнь приношу,
Не предавай жестоким порицаньям,
Я часть души твоей ношу.*

*Не дай предаться медленному тленью
И жизни смысл верни,
Своей демократической тенью,
Как солнцем, душу озари!..*

Приведённые строки стихотворения свидетельствуют о том, что Мария Фёдоровна не только ощущала кровную связь с поэтом, но и по жизни пронесла любовь к нему.

Зловещими с сегодняшних позиций кажутся строки, посвящённые Сталину:

*Большой и мрачный кабинет,
Направо стол дубовый.
За ним сидит творец
Всей нашей жизни новой.*

*К нему приём доступен,
Он всех к себе зовёт,
Кто жизнью обездолен
И путь свой не найдёт...*

Но в альбоме есть и стихотворные строки личного, иногда автобиографического характера. Особой проникновенностью отличаются стихи, посвящённые дочерям. Вот несколько строк, которые адресуются дочери Тале:

*Как хочу я солнца,
Света и тепла.
Сяду у оконца
И дождусь утра.
<...>
Как забудусь, вижу
Доченьку свою,
Девочку родную,
Милую мою.*

На наш взгляд, сама Мария Фёдоровна Синцова (Виноградова) — это некий многозначительный личностный иероглиф, записанный постскрипtum к некрасовскому тексту, а её альбом является интересным дополнением к «некрасовскому контексту».

— Вот человек, связанный с поэтом, с Ярославским краем, коснувшийся литературы! — скажем мы. И не ошибёмся.

Елена ЯНОВСКАЯ,
заместитель директора по научной и экспозиционной
деятельности ГЛММЗ Н. А. Некрасова «Карабиха»,
кандидат культурологии

Колокола над Волгой

Даниил Андреев и Ярославский край

В 2013 году исполняется 55 лет с создания самого странного произведения XX века — «Розы Мира». Видение, историософский трактат, очерки философии русской истории — каждый исследователь находит в нём своё... В чём тайна его автора — Даниила Андреева? Насколько провокационен подзаголовок к этой статье, претендующий на сопряжение имени писателя и философа с Ярославским краем?

Даниил Леонидович Андреев (1906—1959) генетически принял дар художественного осмысления мира от своего отца, Леонида Николаевича Андреева — известного русского писателя, стремившегося к «компромиссу между реализмом и символизмом», автора произведений, проблематику которых «теперь мы с уверенностью определили бы как “экзистенциальную”», драматурга, стремившегося воплотить на сцене образ «современной души, души утончённой и сложной, творящей ценности новых переживаний, отыскавшей неведомые древним источники нового и глубочайшего трагизма» (А. Богданов).

Однако по мистической одарённости сын оказался далеко впереди отца. Только духовидец и поэт в одном лице мог запечатлеть с врубелевской обнажённостью: «Между очами ангела — тысяча дней пути». «Со стихами Андреева русская поэзия слилась с философией истории. И тот, кто прочитал “Русских богов” или “Розу Мира”, постигает тайну русской литературы, её вестничество... о путях и смысле всемирной истории, — пишет Б. В. Чуков, востоковед и бывший сокамерник Даниила Леонидовича. — В середине XX столетия Андреев вдохнул жизнь в изящный, но уже давно мёртвый жанр мифологического эпоса, придав ему сугубо российский колорит... Следуя по стопам русских символистов, он перебрасывал мост из мира реального в мир трансцендентальный, мост, разрушенный веками работы материалистической мысли».

*Увидел с горнего пути я,
Зачем пространства — без конца,*

*Зачем вручила Византия
Нам бремя царского венца
<...>*

*По-новому постигло сердце
Старинный знак наш — Третий Рим,
Мечту народа-страстотерпца,
Орлом парящую над ним.*

Однако вернёмся к родовым корням Даниила Леонидовича. В незаконченной повести Вадима Андреева «Молодость Леонида Андреева» излагается семейное предание, согласно которому прапрадедом Даниила и Вадима был орловский помещик Карпов. Одна из ветвей рода Карповых, по легенде, восходит к Рюриковичам, другая, орловская, согласно исследованиям Л. В. Ивановой, находилась в родстве с Нилусами, Тургеневыми, Шеншиными, Лутовиновыми.

Бабушка Даниила по материнской линии, Е. В. Велигорская, была дочерью В. Г. Шевченко, троюродного брата, свояка и побратима классика украинской литературы. Крёстным младенца Даниила стал «мастеровой малярного цеха Нижнего Новгорода Алексей Максимович Пешков». Мать Даниила, Александра Михайловна, умерла от родовой горячки, и мальчика взяла к себе её сестра, Е. М. Доброва, чей московский дом стал для него родным.

Такова довольно кратко обозначенная литературная топография родового космоса Даниила Андреева. Однако мы в нашей статье попытаемся обозначить иную проекцию. На наш взгляд, Ярославский край в биографии и творческом наследии Даниила Андреева нашёл отражение, с одной стороны, как географическое пространство, с которым были связаны очень близкие ему люди, поддерживавшие писателя на протяжении десятилетий его непростой жизни, а с другой стороны, как духовное пространство, давшее творческий импульс к рождению новых образов, выстраивающих его философско-художественную картину мира.

* * *

Подругой детских лет Даниила Андреева была Татьяна Оловянишникова (1906—1974), представительница одной из наиболее известных фамилий в Москве и Ярославле. Её дед, Е. Г. Оловянишников, — говоря языком начала XXI века, мультимиллионер, владелец московской фабрики церковной утвари.

Родоначальником богатейших купцов и заводчиков Оловянишниковых считается Иван Порфирьевич, который в XVIII веке приобрёл в Ярославле шёлковую фабрику. Основание фирмы Оловянишниковых датируется 1736 годом, когда в Ярославле начал действовать колоколотейный завод, известный впоследствии по всей России. Однако представители этого рода замечательны не только вкладом в отечественное колоколотейное производство, но и своей благотворительной деятельностью: благоустройством ярославских храмов, печением учебных заведений, богаделен. Библиотека из ярославского дома Оловянишниковых, занимавшая большое число шкафов от пола до потолка, содержала более 1 500 томов. С 1913 года Оловянишниковы издавали ежемесячный научно-популярный журнал «Светильник», посвящённый религиозному искусству России и его истории. Дядя Татьяны, Порфирий Иванович, активно участвовал в подготовке к памятной дате — 600-летию кончины святого и благоверного князя Фёдора Ростиславовича Чёрного (Ярославского).

Леонид Андреев